

НОГТЯМИ ПО СТЕКЛЯННОМУ СЕРДЦУ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ИГОРЬ ВОРОГА

Игорь Ворога

Ногтями по стеклянному сердцу

<https://litres.ru/74018079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов о маленьких жестокостях, которые мы иногда не видим, часто не осознаем – и почти никогда не побеждаем.

Содержание

Кровь под кожей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Ворога Ногтями по стеклянному сердцу

Кровь под кожей

У Лиды всегда были слабые сосуды и, как следствие, многочисленные синяки. Мама ругалась на соседских мальчишек и неосторожность самой Лиды, когда та приходила домой с новыми следами от игр на руках и ногах.

— Господи, сидела б уж дома и лепила своих червячков из теста, – причитала мать, проводя осмотры. – Слава те, господи, что не лицом вниз падаешь, а то совсем с тобой беда.

— Мне не больно, правда, – тоненько говорила маленькая Лида. – Я даже не падала сильно, оно само так получается.

В школе, как обнаружилось, это помогало в общении со сверстниками: самые хулиганистые мальчишки думали, что она завзятая драчунья, и задирать не смели. Так, по мелочи, когда больше некого. Лида почувствовала их настроение и смогла обратить это в свою пользу. Стоило им загнать подружку в угол, как Лида с грозными бровями и голосом из страшилок спрашивала:

— Кто из вас, милых мальчиков, хочет поиграть?

Странное для девочки поведение не укладывалось в голове у задир, и они, тускло огрызаясь, оставляли свою жертву в покое.

Несмотря на свою репутацию, в выпускном классе она нашла приятного парня – отличник и скромник, и в драках замечен не был. В тот день Аркаша сидел в вестибюле, у раздевалки, и лениво переворачивал страницы книги по шахматам. Вахтерше было по барабану, что за неучтенный ученик, и Лида-дежурная сама спросила, почему он не на уроке.

— А ты? – просто спросил он в ответ. Она скосила глаза на повязку на рукаве и повела бровями, подчеркивая очевидность причины. Аркаша поднялся и захлопнул книгу:

— Какая разговорчивая! Сразу видно, не зря начала беседу!

Девушка не возражала против едкой характеристики, наоборот, ей стало интересно поиграть. Она натянула деловитую улыбку и развела руки – уж какая есть. Прогульщик снова присел и сказал:

— Если у тебя минутная немота, то у меня минутная глухота. Ты приходи попозже, когда у тебя дар речи проклюнется.

Лида хотела поболтать сейчас, поэтому открыла кованую дверь раздевалки и присела рядом с ним.

— Это шахматы. Шах-ма-ты, – по слогам проговорил он, как будто она превратилась из немой в иностранку. – Двигаем – берем фигуру – ура! Ферштейн?

“Немая” Лида давилась смехом и накрывала колени ладонями. Пола юбки подметала пол.

— Смотри – пешка. Пеш-ка. Иди сюда и будет тебе счастье, – он водил пальцем по нарисованной доске. – Делай прыг – и будет битое поле. Ясно-понятно?

Девушка энергично закивала. Она умела играть в шахматы, но с ним было намного забавнее.

Они продолжали забавляться аж до самого выхода из политеха.

Аркаша всегда чувствовал себя младше и глупее Лиды, хоть разница и составляла всего десять месяцев. Схватить ее за запястье или придавить на диване было как глоток свежего воздуха, ведь он становился большим, сильным и вообще главным. Подруги видели синяки и переживали. Лида убеждала их, что все нормально, что это у них такое баловство, но с другой стороны, забота была ей приятна.

— Парни, они ж как животные, – уверяла она. – Схватит, а потом думает. Тут ничего страшного.

С милым Аркашей пришлось расстаться из-за глупой ссоры: он хотел пожертвовать пешкой (читай: Лидой), чтобы открыть дорогу ферзю (читай: ему). Он вознамерился уехать в Японию ради заветной мечты о робототехнике, и для этого ему через мыслимые и немыслимые каналы нашли невесту. Надо только потерпеть пару лет, и он бы развелся, привез Лиду к себе, и зажили бы они под цветущей сакурой. Обе бабушки в придачу с двоюродной шептали на ухо про часики

и лужайки, подсватывали ей перспективных молодых людей.

Со скукой пережив обеда, поездки на дачи и концерты в Доме Культуры, Лида выбрала жениха. Под длинным рукавом он усмотрел синяк на ее запястье и не на шутку всполошился. Через год после отъезда Аркадия бабушки ставили на свадебный стол дефицитные угощения.

Николай был чуть старше, зато уже нагулявшийся и серьезный. У Лиды родилось два сына, красавцы-близнецы, и здоровье пошатнулось больше допустимого. Николай носился с молодой женой, как с барыней, и первые полгода после рождения детей она провела в постели.

— Ты смотри, на шею-то не вылезай, – советовали вездесущие бабушки. – Мужик нынче хлипкий пошел, не то что наше поколение. Твой чуть что и в запой уйдет, или вообще в Хабаровск сбежит.

Лиде не хотелось второго беглого мужика, поэтому она активно выгоняла Николая с кухни на диван, лишь иногда позволяя себе с ложной скромностью схватиться за низ живота по вечерам:

— Ой, что-то я резко дернулась. Дай мне минутку, дух перевести.

— Голубушка, только не замалчивай, я тебя умоляю!

Муж вскакивал и сам наливал себе суп, и сам поднимал мальчика на руки, и сам раздвигал стол перед приходом гостей на именины. Он был заботлив и нежен и беспокоился о температуре сыновей:

— Они что, опять проказничали? Что это за синяки на ногах?

Лида оправдывала детей, ведь им всего по четыре, и они не умеют рассчитать силу, когда кидают игрушку. Она милостиво позволяла им носиться с ней, обнимая ее и извиняясь за свою резкость, и говорила, что совсем не обижается. Злиться действительно было не за что, ведь боли никогда не было, а было лишь безграничное внимание и бережное отношение.

Школьные годы детей она помнит урывками – работала сортировщицей по 12 часов, хоть бы и два через два. Играть с детьми больше не требовалось – они научились сами себя развлекать. В ее выходные Николай, понимая, что супруга отдохнула, проявлял свой законный пыл. Из-за длинных смен она скучала по мужу, но еще больше ее раззадоривало, что он скучал по ней.

Ночные рубашки покупались исключительно без рукавов. Лида, наверное, и сама не отдавала себе отчета в предпочтении оставлять на виду свои длинные белоснежные руки, украшенные следами страсти. Раскаивающийся муж, тронутый реальностью своей несдержанности, на следующий день приносил пирожные или билеты на спектакль, обрушивая целую бурю поцелуев на похватанные и покусанные места.

Маленькие внуки вообще не умели себя сдерживать, тренируя беззубые рты на всех областях Лиды, до которых умудрялись дотянуться. Сын, привыкший трепетно относиться к

благополучию матери, совал кусочек яблочка в хваткие пальчики мальчугана, приговаривая:

— Ну вот, молодец, кушай. Это у нас превентивные меры против тяжких телесных повреждений, – пояснял он ей.

Лида такого слова не знала, но и не переспрашивала, без объяснений понимая заботу и внимание сына. Они ездили к ней с женами и детьми, пока маленьких нельзя было оставлять ни на минуту, и сердце Лиды сладко замирало, когда очередной младенец силился сфокусировать на ней свой блуждающий взгляд, и вызволяла маленькие перепеленанные ручки, чтобы он поймал ее лицо.

Когда Николай умер, дни стали еще длиннее, а годы, как водится, короче. Время кузнечиком сидело и прислушивалось к чему-то, а потом бросало свою неподвижность и прыгало, переноса Лиду к высоткам, которые незаметно повыврастали, к новомодной еде и к обнищавшим посиделкам на дни рождения.

Не то чтобы ее забывали, но тоска по мужу острее колола под оливье и шубу.

Она прикладывалась к косякам, пока капилляры не лопались, надеясь вызвать новую волну сочувствия у родни. Внуки навещали редко, выкроив минутку между учебой и познанием радостей мира, и она надевала футболку без рукавов или сарафан, молча давая им повод ахать и жалеть. Они и сидели, и смотрели, и видели, и думали, но через каких-то жалких пару лет перестали спрашивать, что случилось, и не

говорили быть осторожнее.

Лида стаскивала с раскладного дивана большую длинную подушку, которая служила ему спинкой, и ложилась с ней в обнимку, спрашивая саму себя, почему это дети и дети моих детей, добрые, красивые, хорошие, чуткие – почему они не делают ничего? Им видно, они должны защищать и заботиться, как их отец и дед Николай, который ни разу в жизни не подверг сомнению ее женственность и хрупкость, как Аркаша, который восторгался ее умом и неумело утверждал свою силу с помощью ее тела, как глупые второклассники, которые спиной ощущали ее власть, и как мама, которая ломала голову над тем, как спасти и позаботиться о ней, беззащитной, маленькой и слабенькой Лидочке. Ведь синяки на ее руках и ногах, и там, где тазобедренные косточки постоянно стучаются о шкафы, они все расцветают и просят обнять, и погладить, и успокоить.

Она лежала, закрыв влажные глаза, и позволяла этим воспоминаниям терзать себя, как беззубая собака терзает кость, без надежды на насыщение, но с каким-то извращенным наслаждением. Жалость туманом расходилась от дивана со сжавшейся на нем фигуркой, превращая дом в тягучий кокон, где осталась лишь она и ее боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.